

Ф.Л. Яковлев

РАССКАЗЫ ОТЦА

Как выживали на той войне

Федор Леонидович Яковлев

Рассказы отца. Как выживали на той войне

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=55322815

Рассказы отца. Как выживали на той войне: Пробел-2000; Москва;

2004

ISBN 5-98604-018-х

Аннотация

В книге собраны рассказы и размышления фронтовиков. Великая Отечественная война предстает свободной от лишнего пафоса и официоза. Субъективное восприятие событий и фактов конкретными людьми высвечивает неожиданные стороны той войны, позволяет понять, как и почему они победили, как они погибали или выживали.

Содержание

Вместо предисловия	5
Фуражка и пилотка	9
Командир взвода штрафников, молодой лейтенант	11
Снаряд из «Тигра»	14
Мина у бруствера	15
Немец с пулеметом и наш минометчик	16
Турник в дверях в каптерку (хозяйство «Бороды»)	17
Прорыв колонны	20
Кто такой снайпер	22
Платцдарм	25
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Федор Яковлев

Рассказы отца. Как ВЫЖИВАЛИ НА ТОЙ ВОЙНЕ

© Яковлев Ф.Л., 2004

*** * ***

Светлой памяти отца посвящаю...

Вместо предисловия

Как известно, родителей не выбирают. У всех они разные – кому-то везет больше, кому-то меньше, и обсуждать здесь нечего. Но пока живешь, набираешь свой собственный опыт, постоянно возвращаясь к вечной теме отцов и детей, все обдумываешь и постепенно начинаешь понимать, что твои успехи (если они есть) – это, как правило, в значительной мере заслуга родителей. Мне в этом смысле действительно повезло и с отцом и мамой, да и с нашим (в первую очередь – их, конечно) окружением. Отец у меня был по-своему выдающейся личностью, хотя особых наград не имел, заметных постов и должностей не занимал. Он умер почти пятнадцать лет назад, в 1990 году, когда ему было шестьдесят пять. Это и тогда не считалось солидным возрастом, а сейчас, для сферы науки, например, где я тружусь, – самый расцвет сил. К тому времени отец уже был на пенсии пять лет, постепенно восстанавливаясь после трех инфарктов, которые произошли в течение полугода после того, как ему исполнилось шестьдесят. На пенсию он ушел из мастерских при крупном научном институте в нашем небольшом наукограде. Я хорошо помню в общем-то двойное потрясение от его смерти и похорон. С одной стороны – острое ощущение потери, как если бы неожиданно остался на сильном холодном ветру, а всякое прикрытие от этого ветра исчезло, и те-

перь сам, без всякой помощи и советов должен всему этому противостоять, более того – прикрывать собой других, за кого волею судьбы с этого момента отвечаешь в полной мере. Другое потрясение было хорошим. На похороны просто-го вроде бы слесаря-лекальщика пришло очень много друзей отца и уважаемых в нашем городе людей. Для меня это было совершенно неожиданно – я всех связей отца по работе, конечно, не знал, как и не знал, с кем и как он дружил. Это было похоже на неожиданный последний и очень сильный урок со стороны отца своим собственным примером – если жить правильно, то люди это всегда понимают верно и очень ценят.

Сейчас, конечно, уже многое у меня в голове уложилось, я, как мне кажется, начинаю понимать его жизнь, то, что он хотел сделать в жизни, чего достиг, а что осталось несделанным. Чаще всего вспоминаются его рассказы о войне, о работе, о том, как он учился в техникуме, конечно, о его родителях. Рассказы эти стали появляться не сразу. Когда я учился в школе, их, как мне кажется, особенно и не было, хотя, не исключая, что я мог просто их не очень-то и запоминать. А вот позже, уже когда я учился в университете и в аспирантуре и приезжал к родителям, у нас часто возникали спокойные обсуждения каких-то текущих насущных проблем, и во время этих разговоров отец, после каких-то моих вопросов, начинал вспоминать разные эпизоды из своей жизни, часто – военного времени. Сейчас я понимаю, что у отца был очень

ясный ум и он хорошо все помнил, потому что всегда старался искать внутренние связи между явлениями и событиями. Иногда, когда либо у нас были гости, либо мы были у кого-то в гостях, я обнаруживал, что отец о чем-то рассказывает еще кому-то; это тоже запоминалось. Похожие разговоры в те времена у меня возникали и с другими фронтовиками, в первую очередь, конечно, с тестем (умершим позже, в 1998 году), который тоже воевал. Недавно я с некоторым удивлением обнаружил, что обладаю о том времени сведениями, которые какими-то своими сторонами остались неизвестными и никак нигде не зафиксированы. Произошло это просто: я в свою очередь при случае кому-то пересказывал отцовские рассказы, и люди слушали с интересом. Почти одновременно, в течение примерно полугода, два или три человека предложили мне все это записать. Мне эта мысль показалась не лишенной определенного интереса. В графоманы попасть риска у меня как будто нет – по работе дел, мягко говоря, хватает и времени свободного не наблюдается никакого, но час-другой посидеть вечером за компьютером (когда жена и дочка уже спят, а моя многолетняя бессонница все равно спать не дает) – почему бы нет?

В этих рассказах встречаются, разумеется, конкретные обстоятельства, цифры, даты. Если что-то из этого меня особенно интересовало, я пытался прояснить, читая историческую литературу или обращаясь к другим источникам. Некоторые сведения удалось уточнить. Однако я не историк и не

могу ручаться за фактическую точность всех сведений, поэтому, если читателя, в свою очередь, какая-то информация заинтересует и он захочет на нее сослаться, это следует иметь в виду. Для меня важно было, как именно и чем события запомнились их участникам.

Отцовские рассказы обладали интересной особенностью. Они представляли собой, как правило, описание каких-то свойств или решений людей в определенных непростых обстоятельствах. (Иногда отец рассказывал о технике или о природе, но это было значительно реже.) Поэтому рассказы короткие настолько, насколько это нужно для достижения цели каждого рассказа. Сохранить отцовский стиль и стиль других рассказчиков, передать дословно прямую речь я, конечно, не могу, но, полагаю, это и не очень важно. Интерес для меня сейчас представляет другое – попытаться передать то неуловимое свойство (спокойствие или уверенность в своих силах – не знаю, как определить), которое появилось у людей, выживших и победивших в той войне, и которое заметно их отличало от невоевавшего поколения и от тех, кто фронт не прошел. Конечно, есть и еще одна, сугубо второстепенная цель – попытаться хотя бы так противостоять воззрениям (совершенно «инопланетным», что ли), в соответствии с которыми наша Великая Отечественная была всего лишь малозначащим эпизодом в голливудской истории о борьбе всемирной демократии за осуществление прав мамы рядового Райана на жизнь ее сына.

Фуражка и пилотка

Отец как-то раз чертыхнулся, глядя в телевизор, по которому показывали в новостях или в «Служу Советскому Союзу» сюжет о боевой учебе мотострелков. Из БМП выскочили солдатики во главе с командиром. Он, что-то крича, широко развел руки, в которых были два ярких флажка. Очевидно, по ходу учений надо было, чтобы бойцы развернулись в цепь для наступления.

– Ну вот, опять показуха! Да в реальном бою этот олух царя небесного и двух секунд не проживет.

– Почему, пап?

– Да потому что противник, если не дурак, всегда в первую очередь старается попасть в командира: если он его убьет, то атака либо сразу захлебнется, либо ее легче будет отбить. Я был командиром взвода и всегда ходил в солдатском обмундировании – в пилотке и в гимнастерке, и сапоги кирзовые, только звездочками на погонах и отличался. Да и то всегда имел при себе ППШ, хотя он мне и не положен был, и ремень от автомата эти звездочки мне прикрывал. А зачем мне знаки отличия? Мой взвод меня и так знает, в роте и в батальоне, кому нужно, я хорошо известен, если надо, найдут! А красоваться на войне не перед кем. У нас в батальоне был один эпизод. Прислали лейтенанта. Уж не знаю, где он служил, но пороха не нюхал, это точно. Новенькая фураж-

ка с кокардой, китель, сапоги начищены – все по уставу, как с картинки, франт франтом. Ну, ему, конечно, сказали, что так не делают, но он не послушал, гордость проявил. А стояли в обороне. На второй же день он с биноклем из стрелковой ячейки стал наблюдать за противником. Несколько минут только и понаблюдав – как раз под кокарду ему немец пулю и влепил. Вот так. Война – не игрушки, а немцы – народ серьезный и старательный.

Уже недавно в связи с юбилеем Сталинградской битвы по телевизору слышал воспоминания о Чуйкове. Так оказалось, что он тоже не стремился формой выделяться – поверх своего генеральского обмундирования всегда носил комбинезон наподобие танкистского без знаков различия.

Командир взвода штрафников, молодой лейтенант

Вообще-то, конечно, надо начать с того, когда и как мой отец попал на фронт. Год рождения моего отца – 1925, март месяц. Значит в 1943 ему было 17 лет, а в 1945, когда война закончилась, ему уже было двадцать. Как он рассказывал, там, где он родился, в городе Красный Холм Калининской области, в январе 1942 года из десятиклассников был организован отряд по борьбе с диверсантами. Их обучили основам военного дела и держали в готовности на всякий случай. Вот из этого отряда его и призвали в армию и направили в Смоленское снайперское училище, которое было в эвакуации в Сарапуле. Курс обучения был один год, по окончании, в конце 1943 года, всем присвоили младших лейтенантов и направили в действующую армию. По рассказам отца получалось так, что он почти сразу попал в наступление – их часть в составе 60-й армии брала Житомир. Что за часть, как это происходило, он сам не уточнял. Я впервые понял, что это было «совсем не слабо», как теперь говорят, на его пятидесятилетии, когда в очередном тосте кто-то из гостей упомянул, что отец командовал штрафным батальоном, а отец, усмехнувшись, тут же уточнил, что вовсе даже только взводом. А еще лет через десять, в поезде, разговорившись с по-

путчиком, полковником в отставке, и рассказав ему про отца, вдруг узнал от него, что существовала в то время такая практика – молоденьких лейтенантов, сразу после училища, назначать командирами штрафных взводов. Сначала я был в большом недоумении – это за что? А потом понял – а как еще быть? Если боевой офицер провинился, то его лишают всех званий и посылают в штрафные роты рядовым. И доверять такому взвод нельзя. Из солдат-штрафников еще могут назначить кого-то командиром отделения, но командиром взвода – нельзя. Командир роты может не быть штрафником – в атаку со всеми идти не обязан, а командир взвода – идет вместе со всеми. Назначать опытного офицера не за что и жалко, а лейтенанта молодого – самое оно. Покидают штрафные роты, как известно, только двумя способами – по ранению, «до первой крови», или если убит. Как я понимаю, на лейтенантов это правило тоже распространялось. Об этом периоде рассказов отца я почти не помню. Иногда он ссылался на то, что на войне со всяким народом приходилось вместе быть, поэтому «сейчас нервы иногда и подводят». Запомнилось еще, как он объяснял, как бегут в атаку и в чем отличие штрафников и морских пехотинцев от всех остальных частей.

– Когда бежишь в атаку, целиться в кого-то некогда. Ты должен бежать 3-4 секунды до намеченной заранее ямки, а пока бежишь, успеть наметить следующую. Чуть задержался, заметался, тут в тебя обязательно попадут. Мне это опытные

солдаты сразу объяснили, как только я на фронт попал. Это одна из премудростей боя, кто ее освоил, живет дольше, это точно. Обычно ведь как бывает – в отделении до наступления десять человек, из них трое или четверо – опытные, обстрелянные. Заканчивается наступление – осталось четверо: трое «стариков» и, может быть, один молодой, освоившийся. Остальные или ранены или убиты. Отделение опять пополняют, и хорошо, если опытными бойцами, после госпиталя.

– Есть только два рода войск, которые если поднимаются в атаку, то уже не ложатся, – морская пехота и штрафники. Если немцы всех не убьют, то до их окопов они обязательно доберутся, назад не отходят.

– Это почему, пап?

– Вот так в Красной Армии было заведено. У немецких командиров единственная на этот случай была забота – оценить в начале атаки наших, хватает ли им плотности огня, чтобы всех успеть пострелять, или надо в какой-то момент, а лучше сразу, бросать позицию и уносить ноги. Так что черных бушлатов или тельняшек и штрафников немцы боялись.

Снаряд из «Тигра»

– Мой взвод сидел один раз в двухэтажном доме, отстреливались от немцев. Я был на втором этаже. Вдруг слышу – шум танкового двигателя. Выглядываю. И вижу, что из переулка выдвинулся «тигр» и уже доворачивает свою пушку на наш дом. Куда деваться? Ну, я крикнул, чтобы все дом покинули и прямо со второго этажа – метров шесть высоты – как был, с автоматом и вещмешком – вниз, на бетонную мостовую. Хорошо, ноги не поломал, но «осушил» их крепко. Равновесия, опять-таки, не потерял, и сразу – бегом до другого переулка. Только за угол повернул – выстрел и дом завалился. Кто успел выскочить и убежать, те и уцелели.

(Уже от мамы, то ли этот же эпизод, то ли другой, похожий, прозвучал так. «Сидели в отдельно стоящем доме, отстреливались. Падает тяжелый снаряд перед домом, взрыв. Через минуту – за домом, такой же взрыв. Вилка! Сразу, кто успел, из дома убежали, еще через минуту – снаряд прямо в дом.»)

Мина у бруствера

– Наблюдал в бинокль из стрелковой ячейки за немцами. Очнулся в медсанбате. Оказывается, немец из миномета akurat передо мной мину положил, полуторакилограммовую. В метре с небольшим. Хорошо, что ячейка правильно была сделана – было понижение перед бруствером, и я был в каске, как полагается. В момент взрыва удар по голове получил – здоровый осколок от этой мины прямо по центру каски вскользь прошел, вмятину оставил, но голову не зацепило. Так что ранения не было, только контузия – сознание потерял, отключился сразу и надолго. Ну, ребята, конечно, тут же до врачей дотащили. Три дня пришлось отлеживаться в медсанбате, рядом с передовой.

Немец с пулеметом и наш минометчик

– Немец с пулеметом засел на «нейтралке» и лупит, не дает головы поднять. А я как раз на НП был, наблюдал этот эпизод. Минометчикам приказ – уничтожить. Капитан по телефону «трубка 5 – трубка 6» корректирует стрельбу. А немец лежит в ямке. Одно деление на прицеле – мина перед ним в пяти метрах, другое – позади в пяти метрах. Ну, никак не зацепишь – он только немного переждет и опять стреляет: немцы в этом смысле упорны – приказ выполняют до конца. Тогда капитан по одному телефону командует «трубка 5, но без команды – не стрелять!» и почему-то бежит к другому, вызывает свою позицию. «Ваня! Когда мина по стволу пойдет, сверху по нему ладонью шлепни! Понял!? Огонь!». Смотрим – только пулемет из этой ямки вверх вылетел. Попал.

Турник в дверях в каптерку (хозяйство «Бороды»)

– Когда сразу после войны стояли в Австрии, боеготовность была на очень хорошем уровне, все старались. Командир полка наш был с бородой (так указатели на дорогах везде по тогдашней манере вокруг и стояли «Хозяйство Бороды»), себя держал в форме и следил, чтобы все не расслаблялись. Почти каждую неделю какое-нибудь соревнование устраивал для всего полка. То прыжки, то бег, отжимание или подтягивание. А у нас в роте старшина придумал – стояли в каком-то немецком доме с высокими потолками и двери тоже высокие, метра по два с лишком, так он в дверях своей каптерки, почти сразу, как ее занял, прибил хорошую рейку – подтягиваться. Входит в каптерку – до рейки подпрыгнет, подтянется и потом только войдет. И выходит так же – обязательно подтягивается, даже если очень спешит. А знаешь, как часто старшина в каптерку входит – выходит?

– Нет.

– Считай каждые пять-десять минут то туда, то обратно. За день таких подтягиваний набегает очень много. И вот была история. Месяца через два Борода устраивает соревнование по подтягиванию: весь полк, кто свободен от дежурства, собрался на стадионе, охотники выделиться подтяги-

ваются на турнике, а весь полк хором считает: «Раз, два, ... десять, ууу, мало, слабак!», «Раз, два, ... пятнадцать!! Молодец!». Выходит наш старшина. Начинает подтягиваться, свободно так, не спеша. Считают: «Раз, два, ... двадцать, двадцать один...» и замолкли – он-то подтягивается так же легко и не спеша, как и начал! Так и молчали, а он подтянулся сорок восемь раз! Вот так!

(Когда мне было лет семь, а брату – четыре, отец принес домой стальную трубу и укрепил ее поперек коридора на высоте два с небольшим метра. Сам он немного подпрыгивал, чтобы достать, мне приходилось с табуретки прыгать, а брата подсаживали. А когда подросли, то правило «проходишь – подтянись» действовало почти всегда. В школе я без проблем подтягивался по 12-15 раз, а иногда и до 19, а одноклассники не каждый и десять раз могли подтянуться. И сейчас у меня в квартире в коридоре висит на лямках короткая палка – не каждый раз, конечно, но когда прохожу, подтягиваюсь. Как-то недавно начал мучить остеохондроз – плечо заболело, специально стал чаще и по несколько раз подтягиваться, и все прошло.)

– А вообще Борода любил примерно раз в месяц проверять боеготовность. По своему плану, а для нас неожиданно, объявляет тревогу: на построение полка в полной боевой готовности – десять минут, и колонной – за ворота. Он впереди с пистолетом в кобуре и планшеткой, все за ним с полным вооружением. Но, правда, тяжелее пулеметов у нас вооруже-

ния никакого не было – обычный пехотный полк. И идет Борода не всегда по дорогам, а чаще по компасу через лес. Если небольшое озеро попадает на дороге, то он предупреждает, что впереди – переправа. Все уже знают, готовятся, особенно пулеметчики, – то бочку пустую где прихватят, то пару бревен посуше, ремнями или веревками связывают. Борода когда подходит к озеру, пистолет перекладывает в планшетку, ее держит на весу и – вплавь, а весь полк – за ним. И ничего, как-то выплывали и вооружение переправляли, ни разу ничего не утопили. А он на другом берегу еще и встречает, проверяет, в каком состоянии оружие – готово ли к бою.

Прорыв колонны

– Где-то подо Львовом уперлись в немца, стоим уже несколько дней. Линия фронта проходит поперек долины, а по долине идет дорога, вполне приличная, не проселок. Сил у нас и у немцев примерно одинаково, но немец сидит в обороне, на нас не давит, поскольку Львов и так почти окружен. А метрах в двухстах в тылу за нашими окопами вся долина довольно круто поворачивает, и что там, за поворотом, ни нам, ни немцам не видно. И вот около полудня слышим сзади – гул моторов. Смотрим – выезжают из-за поворота несколько автомобилей «Додж 3/4» американских с нашими реактивными установками. Автомобили эти были немного покрупнее «виллиса», а реактивная установка – не от «катыши», поменьше, может быть – авиационная. Водитель там сидит слева в отдельной кабине, а справа от него – установка и направляющие стоят почти горизонтально. В установке то ли шесть, то ли восемь реактивных снарядов. А у водителя – кнопка запуска. И вот только первый автомобиль повернул и встал вдоль долины, водитель прямо на ходу нажимает эту кнопку и снаряды с небольшим интервалом начинают лететь в сторону немцев. И никуда он особенно, судя по всему, попадать и не собирался, потому что разброс этих снарядов был большим: то он ямку объедет, а снаряд в склон долины долбанет, то машина в другую ямку немного

нырнет – так чуть по своим не вцепит. Как только у первой машины боекомплект весь вылетел, она отворачивает в сторону, водитель вылезает и по-быстрому из кузова берет другие снаряды и заряжает свою установку. А в это время уже вторая машина пускает свои снаряды, а за ней идут в готовности еще штук десять «Доджей». Первая машина как готова, встает в хвост последнему «Доджу», едет и ждет своей очереди стрелять. Таким порядком они едут и непрерывно стреляют. Ну, в общем, шороху навели – немцам ничего не видно за разрывами и за дымом, они только по сторонам кинулись, подальше от этого безобразия. Да и наши немного растерялись – не знал же никто, что происходит, тоже в стороны стали расползаться. Так эти «Доджи» и проперли через нас и через немцев. А за ними – Т-34, броневики, грузовики с пехотой, с грузами, целая колонна, батальон пехоты, не меньше. Ну и замыкали всю колонну тоже танки. А когда колонна шла через немецкую полосу обороны, и танки, и пехота тоже не стеснялись, если нужно, стреляли. Длилось это не долго: минут через двадцать, тридцать уже все затихло – этой колонны как и не было. Так и ушли они по этой дороге в тыл к немцам выполнять какую-то свою задачу.

Кто такой снайпер

– Папа, а ты как снайпер часто воевал?

– Да нет, не стремился. Но если по делу требовалось, куда надо мог попасть. Нас в училище хорошо натренировали – и теорию подробно давали и практика была: стреляли чуть ли не в классе. За преподавателем была мишень, а за ней улавливатель – из стального листа устройство, похожее на граммофонный рупор. Пуля пробивала мишень, попадала в раструб и по спирали закручивалась в трубе, а потом падала в цинковое ведро внизу. В конце войны как-то один старшина, хохол – всегда первым быть стремился – вынудил меня поспорить, кто лучше стреляет. Придумали, как определить. Выбрали цель – перед склоном горы у дерева горизонтальную нетолстую ветку тряпочкой поместили. Расстояние – 500 метров. Ну, вот я эту ветку отстрелил, а он не смог. Винтовка у меня была наша, как правило. Одно время использовал трофейную – не немецкую, а канадскую. У этой оптика была очень хорошая, и патрон помощнее. Сама винтовка, правда, была тяжеловата. Да и не очень долго она у меня была: попали как-то под минометный обстрел, надо было быстро отходить, как ни жалко было, пришлось ее бросить. Тут дело такое: то, что за тобой записано, обязан из боя вынести, даже если и вышло из строя. Иначе получится, что бросил оружие, значит испугался, а это уже почти трибунал. А трофейное не

записано, поэтому если иначе не получается, оставляешь его.

– Снайпер обычно на фронте живет недолго. Найти позицию, замаскироваться, дожидаться появления цели и попасть – не очень сложно. Сложно в живых потом остаться. Ну, представь – обнаружили разведчики немецкий блиндаж, батальонный наблюдательный пункт, например. И есть ход сообщения к нему, который с какой-то точки просматривается. Снайпер оборудует ночью свою позицию где-нибудь на нейтральной полосе и ждет. Бегают по ходу немецкие солдаты – он не стреляет. Проходит какой-нибудь старший офицер, майор, например, он его убивает. То есть звучит одиночный выстрел. Если целый день было более-менее тихо, то понятно, что это снайпер выстрелил, а не шальная пуля прилетела. Раз так, сразу идет команда – наблюдать и доложить, где что есть подозрительного. Либо шевеление кто заметил, либо стекло прицела на солнце блеснуло, либо просто есть только одно – два места, где можно занять позицию. Немцы обязательно устроят стрельбу, а могут и артиллерию даже запросить. Особенно плохо, если под деревьями лежишь, а не в чистом поле. С одной стороны – легче замаскироваться, а с другой – немец может минами закидать, тогда шансов уцелеть немного. Мина она в момент выстрела взводится – стержень с острием, что напротив капсюля, освобождается. Поэтому при падении, если мина, например, чуть заденет за ветку, стержень сдвигается, касается капсюля, мина взрывается в воздухе. А осколки дождем сверху все накрывают. Так

что у снайпера жизнь фронтовая совсем не сладкая. Каждый удачный выстрел может стоить жизни.

А одну историю о выстреле снайпера, но немецкого, недавно мне пересказала со слов отца моя мама. Отец, как я понимаю, в начале своего пребывания на фронте, один раз после того, как совсем стемнело, с товарищем вышли из окопа и решили перекурить. Спичку зажег товарищ отца и сам стал первым закуривать. Через две-три секунды с немецкой стороны ударил выстрел, пуля попала в голову тому, кто закуривал и убила на месте. Это, конечно, было для отца потрясением: мог ведь и он начать закуривать, а кроме того — как точен и неленив немец! Видимо, из таких эпизодов и начинал формироваться фронтовой опыт.

Платцдарм

Несколько историй отец рассказал примерно об одном и том же длинном эпизоде. Началось это так. Я посмотрел фильм по Бондареву «Батальоны просят огня» и спросил у отца, были ли такие эпизоды, когда солдат на плацдарме бросали без прикрытия.

– Нет, таких эпизодов там, где я воевал, не было. Весной 45-го мы через одну небольшую речку батальоном переправились. Лед еще был, но уже рыхлый, с трудом перебросили только несколько станковых пулеметов. Немцы нас в первый момент сбросить не успели. А лед через день или два унесло. Командование сразу не решило, наш плацдарм будет расширять или один из соседних – было еще два или три в нескольких километрах. Но прикрытия дали сразу. Утром, только рассветет, с основного берега поднимают на тросе аэростат с наблюдателем, и этот наблюдатель целый день управляет стрельбой артиллерии.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.